

з шестеро было бы слишком много.

— Скажите, а ваше знание этой действительности — вы читали “Крутой маршрут” вашей мамы или это было изустно передано?

— Конечно-конечно. Я вот сам тоже жил в Магадане с мамой, когда мне еще не исполнилось 16 лет, мать выпустили из лагеря, и она жила как поселенка там. Она добилась для меня разрешения приехать, это было нелегко. Я приехал, и мы с ней жили в бараке. В общем, для меня это был, пожалуй, более серьезный момент жизни, чем эмиграция в Америку. Это было полное открытие другого мира, других людей. Как ни странно — свободных людей. У мамы собирались друзья — бывшие заключенные, и говорили, ничего не боясь. Им просто нечего было терять, понимаете. Они говорили о чем угодно. Это были высочайшие интеллектуальные дискуссии, я даже не подозревал, что такое существует. Все это накапливалось. До того, как мама начала писать “Крутой маршрут”, все главы этой книги были рассказаны мне устно. И потом я сам наблюдал, я жил... В частности, в “Московской саге” использован один такой момент, о котором почти ничего... по-моему, вообще ничего не писали. Когда они там сидят и дискутируют, философская такая тема, о кремации умерших — что важнее, что нужнее: захоронение или кремация? Вдруг страшный взрыв! И они видят в окне какое-то немыслимое, жуткое пламя. И им приходит в голову, что началась ядерная война, Апокалипсис начался. Они падают на колени, и один из них, брат Стасис — это католический монах из Литвы, кричит им: “Молитесь!” Оказывается, это вовсе не Апокалипсис, а просто взорвался в порту два парохода. Это было на самом деле в Магадане. Вы знали об этом? Это была страшная история. Там были десятки убитых людей, если не сотни. И это все произошло на моих глазах, я это видел. И забыл об этом. Но когда я писал магаданские сцены — я вдруг вспомнил. Потом мой отчим, в это время он находился в карантинном лагере, мне рассказал, как у них было восстание. Как блатные точили пики — а точат пики из кроватей, они вооружались, — как они вырвались, бросились грабить Магадан. В самый последний момент рота автоматчиков им преградила путь.

— Расскажите немного о цели вашего приезда, о вашей роли в “Триумфе”.

— В “Триумфе” я уже семь лет состою членом жюри и семь лет со скрежетом отдаю огромные суммы

денег другим. Шутка. Никто из членов жюри не может получать призов там. Мы можем только давать призы. И в общем, по-моему, это очень благодарная такая инициатива. Начинали ее в 1992 году, когда, вы помните, было гораздо хуже, чем сейчас. Получить для писателя или художника 10 тысяч долларов — тогда это было просто спасением на самом деле. Сейчас это уже большая премия — 50 тысяч каждый получает, и она стала престижной. И я рад, что имею к этому отношение. Кроме всего прочего они оплачивают мой билет до Вашингтона в Москву и обратно. Это существенно.

— Наши текущие события не тактикуют вас на новый роман — вспыхивают публичного антисемитизма, центробежные процессы, предсказанные Стругацкими? 91-й год вы описали удивительно удачно.

— Да, я думаю, что все это будет присутствовать в новой книге. Для меня эта книга — прочтение с XX веком, с моим временем. С нашим временем, нашим общим, особенно моего поколения, родившегося в 30-х и прожившего свою жизнь в общем в течение XX века. То, что мы дожили до крушения тоталитарного общества, это, конечно, грандиозное событие, незабываемое событие, чрезвычайно важное. Но кроме этого я боюсь, что мы присутствуем при начале — не при начале, а при довольно бурном развитии — дезинтеграции бывшего Советского Союза. Исторически территория России увеличивалась в течение веков на 64 квадратные версты в день. И Витте предложил сокращаться уже тогда — он опасался, что мы можем под тяжестью этого гигантского туловища рухнуть. Но ему не вняли, впрочем не начали сокращаться. Потом первый момент развала, вызванный революцией. Потом революция все собрала опять, и сейчас идет очень неприятный процесс, очень тревожный процесс местного сепаратизма. Уже даже не на этнической основе, уже на чисто региональной основе. Очень неприятный процесс, и надо быть очень осторожным и очень продуманно себя вести, потому что он, возможно, неизбежен, и я не удивлюсь, если лет через сто мы с вами все увидим, что Россия стало несколько. Их уже вообще не несколько на самом деле. Но главное — сохранить единую культуру, что очень важно. Даже, может быть, не государственную цельность, а единое культурное пространство и цивилизацию российскийскую.

— Как вам удается столь остро чувствовать происходящее здесь?

— Издалека вообще все это обо-

страется, кстати говоря. И обострится, надо сказать, странным несколько образом. Я бываю в России по меньшей мере два раза в год, и надолго, в летнее время это два-три месяца. Я езжу по стране, дважды пересек на пароходе по Волге провинцию. И когда я здесь живу, я не вижу ничего особенного в принципе. Жизнь как жизнь. Не каждый же день стреляют на улицах. Все нормально, ничего особенного. Ну есть бедные, есть богатые, есть такие, есть сякие. Все как-то идет, ничего, all right. Когда живешь за океаном и все это концентрируется в прессе или в рассказах, в разговорах эмигрантов, то возникает некое ужасающее волнение — как я еще раз туда поеду? Вот сейчас я ехал и мне говорили: “Вы что, с ума сошли? Там же вот-вот коммунисты власть захватят!” (Смеется.)

— В Америке сейчас интерес к вашим романам больше или меньше?

— Меньше, меньше.

— А вообще интерес в Америке к русской современной литературе как, меняется?

— Уменьшился сильно. Я думаю, пик был с романом Рыбакова “Дети Арбата”. Он очень точно попал в правильное место, в правильное время. Русский роман в списке бестселлеров — это чудо, увидеть русский роман в списке бестселлеров.

— Вы не попадали?

— “В поисках грустного бэби” был в списке бестселлеров, но только в вашингтонской зоне, и ненадолго.

— Вы хотите быть интересным тому поколению, которое сейчас читает Виктора Пелевина? Считаете ли, что писатель должен нравиться и следующему поколению?

— Вообще-то совершенно необязательно — в моем случае. Я специально не стремлюсь к этому. Я прежде всего стремлюсь понравиться самому себе, как писатель быть удовлетворенным результатом своих работ. Но если это совпадает с интересом нынешнего поколения, я, конечно, очень бываю вдохновлен и взволнован. Вот, в частности, человек, который меня здесь представил, Игорь Сид — это молодой поэт и лидер определенной группы, авангардистской такой. Я вижу интерес с их стороны, и меня это очень вдохновляет.

— Василий Павлович, вам удалось повидаться в последнее время с Анатолием Рыбаковым? Как вы узнали о его смерти?

— Я узнал об этом случайно, через несколько дней после того как произошло. Мы редко вообще встречались. Там, в Америке, очень редко

встречаются. Потому что он жил в Нью-Йорке, а я в Вашингтоне. Но вообще мы были довольно близки с ним. Я помню, когда я первый раз вернулся из ссылки в конце 89-го года, они жили в Переделкине и устроили для меня ужин. Я понял, что мы люди одного круга единомышленников. Я вообще им восхищался. Он являл собой пример такой четкой позиции. Когда первый раз мы встретились, в начале шестидесятых годов, у нашего поколения была такая вполне понятная осторожность по отношению к этим сталинским лауреатам. Кстати говоря, потом я как-то открыл альманах “Литературная Москва” 56-го года — это была первая попытка преодоления цензуры на самом деле, литературная — и посчитал: среди участников было 27 лауреатов Сталинской премии. То есть они были уже бунтовщиками, как ни странно. Видимо, сама специфика литературного труда рождает такого бунтаря. Волей-неволей — несмотря на то что эти люди были классиками соцреализма, на самом деле они были глубоко неудовлетворены всей этой ситуацией. А что касается Рыбакова, я его звал Толя, несмотря на большую разницу в возрасте. Мы были приятелями, и шаг за шагом я выяснял, что этот человек полностью разделяет мои взгляды на окружающую действительность. И он, кстати, видимо, тоже эволюционировал. Потому что он мог бы в принципе жить безбедно, будучи лауреатом Сталинской премии, признанным писателем литературного истеблишмента. А он стал ставить перед собой какие-то нравственные рубежи. В частности, вот роман “Тяжелый песок”. Я помню, как он мне сказал: “Если они не напечатают этот роман, я тогда ухожу от них”. То есть решил захлпывать вкрутую, как говорится. Тогда нашли компромисс, и он напечатал этот роман, с купюрами, но тем не менее напечатал. Следующий рубеж был “Дети Арбата”. Для него был тоже главный такой бакен впереди — достичь, напечатать в конце концов, чего бы это ни стоило. И он тянул бесконечные какие-то переговоры, посылал эту рукопись в ЦК КПСС. Его отвергали. И тут, к счастью, началась перестройка. Так что все это кончилось счастливо, он узнал огромный успех и здесь, и на Западе. И в общем, он стал заслуженно одним из самых важных писателей страны.

— Люди, которые здесь составляли одну среду, оказавшись на Западе, почему-то разъединились. Сейчас, когда вы сказали, что редко встречались с Рыбаковым — а это четыре часа на машине, — почему эмиграция разъединяет лю-